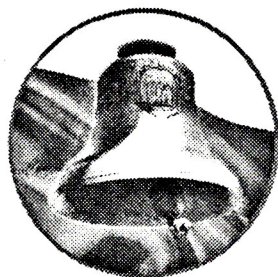

Альманах
**Российский
КОЛОКОЛ**

Выпуск № 3

Москва, 2020

Содержание

Слово редактора.....	8
СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ.....	11
Екатерина Бархатова	12
Письмо	13
Царица осень.....	14
Параллельные миры	15
Все от любви.....	17
Александр Горностаев	19
Канатоходец.....	20
Клоунада.....	21
Связь времен	23
Вера Горт.....	24
Таханá Мерказит Центральная Автобусная Станция.....	26
Евгения Палетте.....	37
«Ольха в полунаклоне от сосны...»	39
«Набежит волна, коснется и отхлынет вскоре...».....	39
«Я возвращаюсь...».....	40
Фрагмент из поэмы «Дорога без конца»	40
«Счастье пишу...»	41
«Под красный свет...»	42
«Ты здесь?...».....	43
«Как радостна и как тиха она...»	43
Фрагменты из романа в стихах «Влажный ветер Леванте...».....	45

«Все станет на свои места...»	47
«Как ярок свет...»	47
«Ущербная луна...».....	48
Татьяна Панкова	50
Не привыкать нам побеждать.....	51
Геннадий Рязанцев-Седогин	53
Непросветленная душа.....	54
Последний солдат.....	54
Памяти брата Юрия Николаевича.....	55
Путем зерна	56
Старуха	56
Поэт	57
Торжество зла.....	58
Печаль земли.....	58
Элегия	59
«Не приемлю холодные храмы...».....	60
Павел Савилов	61
Звезда Рождества.....	62
Элегия	63
Поджигатели, или Расстрел в Кремле.....	66
Ноябрь	68
Вечер на Неве	69
Осень	71
Река	73
Раздумья ночью у окна	74
Птичка.....	76
В лесу осенью	77
Среди волн.....	79
Наполеон на острове Святой Елены	80

Борис Страхов	83
Неправильный народ	84
Антону Дельвигу и его друзьям.....	88
Геннадий Швец	92
Львиное соло	93
Юрскому.....	94
Печаль	95
Акростих	96
Шутка	96
ПИСАТЕЛИ ЗАБАЙКАЛЬЯ	97
Петр Перминов	98
Родника исток	99
Валерий Тытенко	100
<i>«К тихой речке...»</i>	101
<i>«Я рай познал с тобой нетленный...»</i>	101
Я помню.....	102
СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА	103
Рамиз Аббаслы	104
Отравленный кофе	105
На необитаемом полуострове	112
Игорь Ассман	138
Встреча.....	140
Екатерина Бархатова	153
Виртуальщина.....	153
Говорите по-русски!.....	158

Ольга Бахарева	163
А нам холодно	164
Дмитрий Долгов	172
Борец	173
Виктор Ефремов	175
Телефон	176
Владимир Коркин	206
Барак	208
Владимир Малеванный	210
Клочок бумаги	211
Елена Медведева	218
Птица Феникс	219
Из дневника птицы Фени	219
Третья песня птицы Фени	221
Четвертая песня птицы Фени	224
Сказка о Тряпках и Мелках	224
Капля моря	225
Про тучки и дождик	227
Диилврин Окн	228
Онори	229
Пепельница-мулатка	233
Арка	234
Алексей Попов	239
Осени печальная пора	240
Неисправность	252

Ольга Раздолгина	263
Начать сначала, или Снова быть счастливой...	
Часть 3.....	264
Часть 4. Снова любить	294
Майкл Улин	299
Шелк лоскутный, или Книга падших.....	299
Фальк	306
Ремесло	308
Виктор Чекмарь	327
Становление	328
Людмила Юханссон	334
Одиночество Прометея	335
НАУКА	341
Владимир Петроченко	342
Сфера космической жизни Солнечной системы и новая теория Адама Смита	343

Рамиз Аббаслы

Азербайджанский писатель, переводчик художественной литературы.

Родился 1 июля 1948 года в селе Паправенд Агдамского района Азербайджанской Республики. Учился в сельской школе. Очень любил точные науки – математику, физику, химию. Большой интерес проявлял к музыке, рисовал, читал художественную литературу: азербайджанские сказки, дастаны; особенно понравился ему эпос «Кер-оглы». Учился в Бакинском государственном университете.

Пишет на азербайджанском и русском языках. Художественную литературу переводит с английского, немецкого и русского языков. Автор пяти книг, многочисленных статей и переводов.

Отравленный кофе

рассказ

В полдень к отелю «Шахдаг» райцентра Губа подъехал красивый автобус. Осень уже в разгаре, но везде в Азербайджане, даже в его северных районах, отличная погода: ясный и солнечный день. Автобус остановился, двери открылись. Пассажиры стали выходить; все они туристы и, как ни странно, все они поэты и писатели. Это, конечно, редкое явление, но в тот период в этом ничего удивительного не было.

В самом конце сентября в Баку начался литературный фестиваль народов стран Евразии. А по регламенту третий день фестиваля был днем экскурсий. Участники фестиваля – сто пятьдесят человек – разделились на три группы, и одна из них предпочла поездку в город Губа. Как только все сошли с автобуса, гид на английском и русском языках сказал, что сейчас у них кофе-брейк, – это иностранное слово, и означает оно перерыв, во время которого люди отдыхают, пьют чай или кофе. Посмотрев на свои наручные часы, гид добавил, что через тридцать-сорок минут все туристы должны собраться здесь и отсюда поехать на встречу с представителями – любителями литературы – района.

Люди устали. В восемь часов утра они выехали из Баку. В половине одиннадцатого их автобус прибыл в Губу. Гости посетили Мемориал памяти жертв геноцида. На это ушел ровно час. Теперь же время отдыха; в спокойной обстановке можно посидеть, поговорить, выпить чай или кофе.

В ресторане гостей встречали очень радушно. Часто звучали слова «хош гялмисиниз!», «добро пожаловать!», «вэлком!». Кофе-брейк был роскошным. Предлагали пить свежесваренный чай, кофе, фруктовые соки, минеральные

воды, даже родниковую воду. Можно было попробовать сладости азербайджанской национальной кухни: шекербуру, пахлаву, шекинскую халву, бадамбуру, губинскую пахлаву, шор-гогал... И все это совершенно бесплатно и без каких-либо ограничений. Такой роскошный кофе-брейк туристы увидели впервые.

Вокруг одного из столов собрались четыре человека: Ричард Беренгартен – поэт, литературовед, профессор Кембриджского университета, человек всемирно известный, но удивительно простой, Сильви Мария – молодая, но уже известная поэтесса из Бельгии, Мариже Лангелаар – тоже молодая и тоже известная поэтесса, но она из Голландии, и Джамал Бенхайуон – известный в арабском мире поэт, литературовед, профессор из Марокко. Все они взяли по чашке кофе. Мужчины взяли пахлавы и шекербурсы, женщины же сладостей взяли больше. Удобно расположившись, все они похвалили кофе-брейк. Ничего не скажешь, здесь все прекрасно. Да вы посмотрите, какой ассортимент! А теперь давайте посмотрим, что за сладости у них. Опередив всех, веселая Сильви Мария откусила пахлаву. По лицу видно было, что пахлава ей очень понравилась. Так она и сказала: «Excellent!»

Сидящие за столом, за исключением Джамала, сразу же попробовали пахлаву, и все кивали, что означало их согласие с оценкой Сильви Марии. Джамал не принимал участия в дегустации сладостей; он взял кусок сахара, бросил в свою чашку и стал медленно размешивать ложкой. Между тем Сильви Мария уже пробовала шекербуру и опять дала высокую оценку: «Excellent!» Вслед за ней шекербуру пробовала Мариже Лангелаар, она тоже похвалила эту сладость. Беренгартен же решил доесть пахлаву, а потом взяться за шекербуру. Но ему не нравилась вялость Джамала, и он хотел его расшевелить.

– Вы так долго размешиваете... Ешьте сладости, они очень вкусные.

– Хорошо, – вежливо сказал Джамал.

Но Джамалу не до еды было. Он пригубил кофе. На его удивление, кофе оказался очень горьким. Джамалу стало очень неприятно. Он взял еще два куска сахара. Их тоже положил в свою чашку и стал размешивать ложкой. Потом опять пригубил кофе. Но увы! Ничего не изменилось, даже дополнительные куски сахара не изменили вкус кофе. Ему хотелось выплюнуть и прополоскать рот водой. Между тем его лицо изменилось: оно выражало боль и отвращение. Заметив это, Сильви Мария забеспокоилась и спросила:

– Что с вами? Вам плохо?

– Кофе очень горький, – с трудом сказал Джамал. – «Горький» – не то слово, как будто это не кофе, а какая-то отравка.

На лице бельгийской поэтессы появился страх, и ее волнение сразу же передалось голландской поэтессе. А та чуть не заплакала и с сожалением сказала:

– А это зачем?!

– Всем нам кофе налили из одного кофейника, – хладнокровно сказал Беренгартен. – Я, как всегда, в чашку положил один кусок сахара. Вот и пью его, – так сказав, он сделал глоток. – Он вовсе не горький, очень даже нормальный.

– Я тоже положила в свою чашку один кусок сахара, и мой кофе нормальный, – сказала Сильви Мария.

– А вы сколько сахара положили в свою чашку? – спросил Беренгартен, обращаясь к Джамалу.

– Сперва положил один кусок. Попробовал – горько. Потом еще два куска положил. Опять попробовал – опять горько. Очень горько.

– Я считаю, что проблема не в кофе, а в вас, – сказал Беренгартен. – Вы или заболели, или же в связи с переменой климата у вас началось какое-то недомогание. Насколь-

ко я помню, утром в Баку вы завтракали нормально, пили и чай и кофе. Не так?

– Вы правы, – сказал Джамал. – Утром все было нормально.

– Давайте сделаем так: вы возьмите себе новую чашку кофе. Еще возьмите побольше сахара и несколько ложек. Все это принесите сюда. А потом я скажу, что надо делать дальше, – сказал профессор из Кембриджа.

Джамал сделал то, что просил Беренгартен. При всех в чашку бросил два куска сахара, чистой ложкой размешал. Беренгартен чистой ложкой взял кофе, попробовал и сказал:

– Это для меня сладко.

Потом из этой чашки пробу взяла Сильви Мария. Она сказала, что кофе очень хороший.

А теперь попробуйте вы, – обращаясь к Джамалу, сказал Беренгартен. – Но, пожалуйста, только чистой ложкой; мы здесь проводим эксперимент, и, наверно, после вас еще кто-то захочет попробовать кофе из этой чашки.

И Джамал попробовал кофе. Но при этом он так вздрогнул, словно в его рот попало что-то очень отвратительное и мерзкое. Ему казалось, что все его внутренности сейчас вывернутся наизнанку и содержимое выльется прямо на стол. Это испугало его, он быстро схватил салфетку со стола и ладонью правой руки закрыл себе рот.

– Кто-то отравился! – эти слова молниеносно дошли до всех. Но, несмотря на очень высокую скорость, они все же успели значительно измениться, и люди уже стали говорить о другом.

– Кого-то отравили!

К столу, где сидел Джамал, прибежали гид и шеф-повар. За ними подоспел заврестораном. Люди были в тревоге и хотели знать, что случилось. Беренгартен на англий-

ском языке вкратце изложил, как было дело. Потом дал свое заключение: человек заболел, и, наверно, ему нельзя пить кофе.

– Вот его кофе, – сказал Беренгартен. – Мы все пробовали из его чашки: кофе нормальный. И он пил из этой же чашки, но ему кажется, что кофе очень горький. Если хотите, можете пробовать. Все мы, в том числе и Джамал, пробовали чистой ложкой.

Шеф-повар, гид, а после них заврестораном пробовали кофе. И все они облегченно вздохнули: нет проблем, кофе отличный.

– А что же случилось тогда? – спросил один из туристов.

Беренгартен, как ученый человек, был уверен в правильности своего мнения и еще раз повторил:

– Человек заболел, и ему нельзя пить кофе.

– Вы правы, – сказал гид. – Но здесь есть одно но. Если помните, когда я рассказывал о мемориале...

У мемориала гид рассказывал:

– В 1918 году вооруженные до зубов армянские бандформирования нападали на Губинский уезд Бакинской губернии – нынешний Губинский район Азербайджанской Республики. Бандформированиями командовал армянский генерал Амазасп Срванцтян. А он не скрывал своего намерения, в его обращении к населению Губинского уезда говорилось: «Я пришел, чтобы уничтожить все население этого края от берегов Каспия до вершин Шахдага». Так началось массовое истребление населения Губинского уезда: было убито шестнадцать тысяч человек, сто шестьдесят семь селений было стерто с лица земли. В основном пострадали женщины, дети и старики. Но эта кровавая акция была не первой и не последней. Массовая резня мирного населения была осуществлена и в Баку, там в течение трех дней бандиты убили тринадцать тысяч человек.

А в Шемахинском уезде от рук армянских бандитов пало более восьми тысяч человек.

Амазасп Срванцтян был не один: в то время на территории Азербайджана было много бандформирований и армянских генералов. Они уничтожали мирное население не только в Бакинской губернии, но и в Карабахе, Зенгазуре, Нахичевани, Иреване. Только в Нахичевани было убито семьдесят четыре тысячи человек. А из этого явствует, что Губинская трагедия была одним из многочисленных кровавых событий того времени. В результате погибло шестнадцать тысяч человек. Шестнадцать тысяч трупов. Бандиты не похоронили их, им не до этого было. Их сотнями бросали в ямы и засыпали землей. Но далеко не всегда удавалось найти подходящие ямы. Тогда бандиты копали глубокие колодцы и трупы бросали туда.

В 2007 году при проведении строительных работ на правом берегу Гудиалчая, где мы сейчас стоим, строители обнаружили останки человеческого тела. Работа была остановлена. Пригласили специалистов, и на этом месте начались раскопки. Нашли два колодца, в которых были погребены более четырехсот человек. В 2013 году на этом месте построили Мемориал памяти жертв геноцида.

А теперь мы зайдем во внутреннюю часть этого сооружения, – сказал гид.

Туристы направились ко входу саркофага, где из шестнадцати тысяч погибших были похоронены четыреста человек. Лестниц не было, люди спускались по наклонной дороге вниз.

На простом языке это означает, что с помощью специального тоннеля посетители вошли в зону колодца – необычной могилы, где погребены сотни людей. В подземелье они увидели скелеты погибших людей, фотографии тех времен и свидетельские показания очевидцев, а также

акты расследований специальных комиссий по горячим следам чудовищного преступления, отрывки правительственных нот и газетных статей тогдашнего времени, осуждающих злодеяние преступников.

Через час туристы вышли из подземелья. Посещение мемориала завершилось, и туристы стали собираться у подножия лестницы. В этот момент к ним подошли корреспонденты средств массовой информации и начали задавать вопросы. Один из корреспондентов, молодой человек лет тридцати, подошел к Джамалу и на английском языке спросил:

– Вы откуда?

– Я из Марокко, – сказал Джамал.

– Вы уже посетили мемориал. Каковы ваши впечатления?

– Мои впечатления... – сказал Джамал и задумался. – Вы задаете очень трудный вопрос. Я сам поэт, но в данной ситуации не могу ответить на ваш вопрос, потому что я потрясен, я в шоке. Чтобы выразить свои чувства, переживания я должен трудиться день и ночь, написать сто книг. Не знаю, справлюсь ли с этой задачей. Задача непростая, но я обязан сделать это. Задавая дополнительные вопросы гиду, я выяснил, что эта кровавая акция не была случайной: все это было заранее запланировано и продолжалось ровно сто лет. Началась она на заре XX столетия и завершилась только в конце века. Эта вековая и беспрецедентная акция завершилась геноцидом в Ходжалах. Людей не только убивали, безбожно издевались над их трупами. Сжигали не только трупы, но и живых людей. Особенно жестоко обращались с детьми: их сжигали на кострах, как сжигают сухие дрова или солому... И, как ни странно, все это нашло свое отражение в армянской литературе. В рамках фестиваля на пленарных заседаниях мы, поэты и писатели со всего мира, обсуждаем глобальные проблемы

человечества и роль литературы в формировании человека будущего. Если в современном мире совершаются такие преступления, как можно говорить о формировании нормального человека? Если все это совершается на наших глазах, то и мы сами в какой-то мере являемся соучастниками этого преступления. Мы живем в очень небольшом и хрупком мире. А человек своими злодеяниями отравил этот мир. Вокруг нас все отравлено, все ядовито – я хочу писать об этом.

На необитаемом полуострове

рассказ

Мне приходилось иногда слышать, казалось бы, необидные упреки: «Ты способен только сидеть и читать книгу». Так говорили люди, которые меня хорошо знали, и они хотели сказать, что я, как молодой человек, не способен на практические дела: где-то работать, решать практические вопросы, сделать себе карьеру... Это нехорошая характеристика, в глубине души я даже обижался, но не стал с ними спорить. Вместе с тем я был уверен, что эти люди заблуждаются. Ведь, будучи учеником средней школы, я очень хорошо помогал своим родителям в ведении нашего хозяйства: мы держали скот, у нас был еще большой приусадебный участок. А там было очень много работ. Честно говоря, среди своих сверстников я больше всех и лучше всех работал, чтобы наше хозяйство процветало. С другой стороны, я и хорошо учился. Да, так было. А потом условия изменились: я переехал в город и стал студентом. Учился в самом престижном вузе – в университете. В то время очень трудно было поступить в университет. Я же справился с этой задачей:

поступил на дневное отделение университета, учился и уже перешел на пятый курс. А те люди продолжали говорить: «Ты способен только сидеть и книгу читать». Незнакомые люди же говорили по-другому.

– Молодой человек, чем вы занимаетесь? – иногда спрашивали меня.

– Я студент, – отвечал им я.

– А где вы учитесь?

– В университете.

– В университете! – говоря так, они с заметным удивлением осматривали меня с ног до головы и, казалось, даже не верили, но все равно хвалили: – Ты молодец.

После завершения учебы я попал в коллектив, где работали и мои сверстники. Но эти молодые люди в основном были без высшего образования. Только одна девушка заочно училась в каком-то техническом вузе. И когда меня представили ей и сказали, что молодой человек, то есть я, после завершения учебы в университете по направлению пришел к ним работать, девушка заметно смутилась и отпрянула, как будто от чего-то неприятного. Не могу сказать, почему она так смутилась и отчего ей стало неприятно. А точно помню, что при виде этой красивой девушки я про себя подумал: «Вот обнять бы ее тонкую талию и...» Ничего не поделаешь, она была очень соблазнительна. Может быть, без предварительной подготовки такая лобовая атака – даже мысленно – ей не понравилась, и, посчитав это дерзостью, она отпрянула. Но это маловероятно, потому что, как потом мне передали, в таких делах она была опытная и, оказывается, столько лет флиртвала с начальником отдела. Скорее всего, ее оттолкнул мой ветхий костюм, и, наверное, по ее мнению, молодому человеку после завершения учебы в университете следовало бы явиться на работу не в таком барахле, а в приличном костюме. А в своем

поношенном и ветхом костюме я был похож на бедного пенсионера, который годами ходит в одном и том же уныло-сером одеянии, купленном давно – «до нашей эры», то есть когда он еще не был пенсионером, а работал. А если бы в начале четвертого курса я не решил, что обязательно куплю себе костюм, наверно, даже этого не было бы.

На четвертом курсе, в начале учебного года, я решил, что обязательно куплю себе костюм. Поэтому двадцатого сентября, получив стипендию за три месяца – июль, август и сентябрь, – я поехал в центр города и зашел в ЦУМ. Там были хорошие импортные костюмы, и в основном все это было производства братских социалистических стран – в то время у нас, в Советском Союзе, так назывался ряд восточноевропейских стран: Болгария, Румыния, Югославия, Венгрия, Чехословакия и т. п. Цена же на эти костюмы начиналась с девяноста рублей. А мне надо было решить задачу: на сто пять рублей купить костюм, пятнадцать рублей заплатить за квартиру, а на оставшиеся деньги жить до следующей стипендии. Быстро прикинув, я понял, что в данной ситуации задачу с такими данными решить невозможно. Настроение испортилось. Я вышел из ЦУМа, прошел через парк фонтанов. А там, напротив парка, в ряде красивых двухэтажных домов, ближе к базару «Пассаж», на первом этаже был большой промтоварный магазин. Я зашел в этот магазин. Там тоже были хорошие импортные костюмы. Они тоже были производства братских социалистических стран. Здесь тоже, как и в ЦУМе, цены начинались с девяноста рублей.

«Вот не везет, и все», – подумал я.

Но, несмотря на это, поиски продолжались, я надеялся на счастливый случай: может быть, среди этих костюмов найду костюм, который стоил бы дешевле, например, семьдесят рублей.

Я долго возился. Поиски еще продолжались. Но, видимо, нервы одного из работников магазина, наблюдавшего за мной, не выдержали, и он – очень аккуратно одетый мужчина лет тридцати пяти – подошел ко мне.

– Гардаш, тебе костюм нужен? – сказал он.

– Да, – сказал я.

– Какой, импортный или местный?

В то время в Баку были и швейные фабрики. Они работали на полную мощность: месячный, квартальный, годовой и пятилетний планы выполнялись на сто три целых и шесть десятых процента. В магазинах было полно бакинских костюмов. Но ни один уважающий себя человек не покупал их, потому что они были некачественны и некрасивы, на вид даже уродливы. Купить местный костюм считалось позором; лучше было бы ходить в старых лохмотьях, чем в новом костюме производства Бакинской швейной фабрики имени Володарского. Естественно, я тоже не хотел опозориться, поэтому сказал:

– Импортный.

– У нас здесь очень хорошие импортные костюмы, – сказал продавец магазина.

– Да, я вижу. Но цены...

– Ты студент?

– Да. Откуда узнали?

– Это видно. Где ты учишься?

– В университете.

– Молодец. А на каком курсе?

– На четвертом.

– Учишься на четвертом курсе университета, а одет-то не по-университетски. Тебе нужен хороший костюм.

– Я тоже так думаю. Поэтому и зашел сюда.

– Скажи честно, вот в данное время сколько ты можешь заплатить за костюм?

– Во всяком случае, девяносто рублей не могу.

– Если не секрет, сколько?

– Не более семидесяти рублей.

Мужчина открыл боковую дверь – видимо, это было подсобное помещение, скорее всего, склад магазина – и мгновенно исчез. А буквально через две минуты он появился с каким-то костюмом в руках.

– Ты возьми это, заходи за эту занавеску и там примеряй. На правой стороне от зеркала есть выключатель для освещения.

Я зашел за занавеску, включил свет. При ярком свете, стоя перед большим зеркалом, я начал проверять этикетку, покров, подкладку, пошив, цвет... Костюм болгарского производства, серого цвета с синеватым оттенком – это как раз тот цвет, который я люблю. После предварительной проверки я начал примерять. И пиджак, и брюки были как раз впору.

«Сволочь, все знает, – подумал я, – даже не спросил, какой размер я ношу, а принес то, что мне нужно».

– Примерил, нормально, – сказал я продавцу. Но при этом постарался скрыть свой восторг, с тем чтобы он, узнав об этом, не надумал поднять цену. – Интересно, а сколько стоит этот костюм?

– Это такой же костюм, который на витрине стоит сто рублей. Разница в ценах объясняется тем, что в его материале синтетики на пятнадцать процентов больше. Подумаешь, большое дело. Костюм, безусловно, хороший. На складе базы, где мы их берем оптом, один такой костюм стоит шестьдесят рублей. Своим знакомым и хорошим людям я их из-под прилавка продаю за семьдесят рублей. Ты студент, учитывая это, с тебя я возьму шестьдесят пять рублей. Если у тебя денег мало, можешь даже этих пяти рублей не давать...

Я был тронут великодушием совершенно незнакомо-го человека. Одновременно больно сжималось сердце, потому что некоторые мои знакомые, даже кое-кто из родственников, работали в другой части города в таких же магазинах и часто видели меня. Безусловно, такие же костюмы получали и они. Но они никогда мне ничего подобного не предлагали, даже намека не было.

– Нет-нет, что вы! Так нельзя. Я дам вам шестьдесят пять рублей. Сейчас у меня деньги есть: я получил стипендию. Вы и так делаете мне большое одолжение. Спасибо, – сказал я.

Кто же был этот человек? Сейчас я очень сожалею, что не спросил его имя. Я увлекся костюмом и забыл спросить. Обязательно надо было спросить и запомнить на всю жизнь.

С этим добрым человеком мы расстались как добрые друзья. Он мне сказал, что через два месяца они получают хорошие импортные плащи, а среди них иногда бывают и недорогие – за пятьдесят-шестьдесят рублей – нормальные плащи с теплой подкладкой.

– Я тебе дам хороший плащ, – сказал он, – их можно носить даже зимой, как пальто.

Но, к сожалению, этот добрый человек ошибся: наверно, думал, что каждый месяц у меня в кармане бывает лишних шестьдесят рублей. Я это понял сразу, но был взволнован, находился в состоянии эйфории и под шумок ему обещал, что через два месяца опять зайду в их магазин и куплю недорогой, но добротный импортный плащ с теплой подкладкой. Это было нереально, поэтому я не мог выполнить свое обещание. А этот добрый человек, наверное, припрятал импортный плащ для незнакомого студента и некоторое время даже ожидал его. Сейчас, думая об этом, я очень сожалею, что имени этого человека не знаю.

Спустя два года на мне был тот же костюм, который я приобрел благодаря этому доброму человеку. Но за это время он стал поношенным и ветхим, потому что я его часто носил и не очень-то хорошо следил за тем, чтобы он был в хорошем состоянии. А вот надо было. И в этом вопросе я обнаружил свою непрактичность. А красавица, у которой была тонкая талия и хорошая походка, увидев меня в этом костюме, отпрянула. Но в тот же день, после обеда, я слышал, как она шушукается с парнем, сотрудником нашего отдела.

– Видишь, что делают люди, – вроде за моей спиной сказала девушка, но, как ни странно, я слышал все, что она говорила. – Он твой ровесник, уже успел окончить университет, а ты еще думаешь и до сих пор не решил, куда поступить.

Парень молча сидел. Как потом выяснилось, он на тройки кое-как окончил среднюю школу и ему некогда было думать о высшем образовании. А девушка просто дразнила и хотела расшевелить его. С ее стороны это было неправильно: нельзя же заставить человека прыгнуть выше головы. Напрасно так делала девушка, и это говорило о том, что она непрактичный человек. А то, что она флиртовала с начальником отдела, это тоже говорило о том, что она как женщина человек непрактичный. Да, понятно, начальник был холост, у него была неплохая должность и деньги. Даже говорили, что он обещает на ней жениться. А что мешало ему взять и жениться на ней? Время шло. Начальнику уже перевалило за сорок, и он был старше ее на семнадцать лет. Она что должна была делать, подождать еще десять лет, чтобы ее избраннику перевалило за пятьдесят? Нет, она не дождется. Она нарвалась на того, у кого уже была любовница; у начальника действительно была другая любовь, и я хоть человек непрактичный, но сразу же

раскусил его. В принципе, это было нетрудно, потому что начальник из этого секрета не делал и при первой встрече со мной прямо сказал, что в жизни для него главное – это деньги. В данном отношении эта девушка была непрактичной, и мне даже было жалко ее. А она при первой же встрече как отпрянула от меня, так потом никак не могла относиться ко мне как к коллеге по работе, то есть деловито-нейтрально. Порой мне казалось, что она просто ненавидит меня, – беспричинная ненависть. Такова сила первого впечатления.

Я – непрактичный человек, студент пятого курса – сошел с поезда Нахичевань – Баку и покинул территорию вокзала. Был уже конец августа. На привокзальной площади стоял троллейбус номер 1-А, который курсировал между Баиловым и железнодорожным вокзалом. Это как раз то, что мне было надо. Я быстро побежал и сел в троллейбус. Водитель как будто меня и ждал – по-другому думать как-то невозможно было, потому что как только я вошел в почти пустой салон, двери тут же закрылись, и троллейбус тронулся с места.

Два месяца меня не было здесь – в Баку. Я был в Нахичевани. Мы, студенты, ездили в Нахичевань на двухмесячные сборы. А в конце сборов сдали экзамен по военному делу и получили звания офицеров – вот еще одна практическая задача была успешно решена. И вроде все было нормально. Но здесь было одно но: у меня денег не было. Я сидел в троллейбусе и думал, где найти деньги, чтобы дожить до стипендии, которую обычно давали двадцатого сентября. Но на сборах нам сказали, что студентам пятого курса стипендию дадут раньше – скорее всего, десятого сентября.

Сентябрьская стипендия... Тот, кто учился в вузах во второй половине XX века, до распада СССР, и учился

более-менее успешно, помнит, что в начале третьей декады сентября студентам дневного отделения давали стипендию сразу за три месяца: июль, август и сентябрь. В университете стипендия была тридцать пять рублей, а наша сентябрьская стипендия составляла сто пять рублей. Для студента, который умел разумно тратить деньги, это была приличная сумма денег. Но, к сожалению, в этом вопросе я сильно хромал, потому что думал: если в кармане есть деньги, почему их не тратить? Нельзя же все время – даже если есть деньги – экономить. Это было неправильно, поэтому за время учебы я порой сталкивался с очень серьезными денежными проблемами. Даже два раза в разных семестрах сдав экзамены по политэкономии на отлично, я не научился разумно тратить деньги. Я получал стипендию, по возможности сезонно работая то сторожем, то чернорабочим во вторую смену, – зарабатывал небольшие деньги. Но денежная проблема все время преследовала меня и висела над головой как дамоклов меч.

Троллейбус едет медленнее автобуса. Но я не торопился, наоборот, даже был рад, что мой транспорт ползет как черепаха. На всех поворотах дороги, как правило, штанга срывалась с линии электропередачи. Сперва слышался глухой стук о крышу, а потом какой-то другой звук, который издают ядовитые змеи при приближении к ним человека. Такой же звук издает и глава гусиной стаи, когда замечает, что, нарушив безопасную дистанцию, к его стае приближается человек или какое-то животное: «Тыс-с-с!» После этих предварительно-предупредительных сигналов троллейбус сразу же вставал как вкопанный на том месте, где оказался в тот момент, когда сорвалась штанга. Водитель, надев рукавицы, быстро выходил из кабины и начал возиться со штангой: с помощью специальной веревки он тянул штангу вниз, наносил удары по головке штанги –

хотел изменить ее положение так, чтобы она, обхватив линию электропровода снизу, прижалась к ней. Если устранить неполадку такими примитивными способами не удавалось, тогда он бывал вынужден вернуться в кабину, взять необходимые инструменты и снова вернуться к месту происшествия... А это означало, что аварийная остановка троллейбуса будет продолжаться...

Если кто-то из пассажиров торопился, для него это был сущий ад: от злости он чуть ли не лопался и начинал проклинать троллейбус как особый вид городского транспорта – кто придумал его и кому он нужен, – потом обвинял водителя в непрофессионализме – оказывается, он вовсе не водитель, а сапожник; его поймали на улице и посадили в кабину водителя. А в самом конце своей обвинительной речи он обрушивался на себя: оказывается, он сам тоже не умный человек, а дурак, потому что, зная, как работает этот проклятый троллейбус, все равно взял и как будто нарочно, что ли, опять сел в него. А я не торопился, мне надо было как можно дольше задержаться в дороге, подумать и хотя бы мысленно решить вопрос: где можно достать пятнадцать рублей, чтобы дожить до стипендии.

Об этом я думал не только в троллейбусе, но и задолго до того, когда мы ехали на поезде, то есть всю ночь я думал об этом. Этот вопрос тревожил меня даже раньше. Правда, в канун сдачи экзамена, который мы сдали в конце сборов, обычное волнение студента перед экзаменом почти полностью подавило эту тревогу. Но как только экзамен был сдан, она проявила себя с особой силой и снова захватила все мои мысли. Если не найду эти деньги, тогда или умру с голода, или серьезно заболею, не успев окончить учебу. Но сколько я ни думал, все равно выхода так и не нашел. Предполагалось, что единственно верный выход из этого положения – взять в долг у хозяина кварти-

ры. Но даст ли он? Гарантии не было. Ситуация осложнялась еще и тем, что я ему должен был пятнадцать рублей квартплаты за август.

В конце июня, заплатив квартплату сразу за два месяца – июнь и июль – хозяину, я сказал, что еду в Нахичевань на двухмесячные сборы, но квартиры не сдаю, оставляю за собой. Что касается квартплаты, за июль я уже заплатил, а в конце августа приеду и сразу же заплачу за этот месяц. Он вроде не возражал. Вот и конец августа, я только что вернулся со сборов и по договоренности должен был платить за август. А получается наоборот: вместо того чтобы погасить свой долг, я буду просить в долг у него, обещая вернуть все долги – старый и новый, – когда получу стипендию. Поверит ли он моим словам, пойдет ли на такую сделку? Нет, он не дурак и денег не даст. Даже выразит неудовольствие, что я задерживаю квартплату. Вот в такой обстановке как можно просить у него деньги в долг?

Вообще-то я не люблю у кого-то просить деньги в долг. Даже в молодости, в особенно трудные студенческие годы я ни у кого деньги не занимал. Но как быть, если они очень нужны? Я сидел в троллейбусе, ломал голову, чтобы найти выход из трудного положения. Между тем, аварийно останавливаясь на каждом повороте, троллейбус медленно, но все равно полз вперед. Вот он уже миновал судоремонтный завод, который раскинулся на левой стороне от меня, на берегу моря. Позади, на правой стороне, осталась и пожарная часть. А здесь уже поворот налево, и, как правило, штанга должна сорваться. Точно: сразу же послышался глухой стук по крыше троллейбуса, а затем неприятный звук встревоженной змеи: «Тыс-с-с!» И троллейбус, не шевелясь, встал на месте, как мгновенно убитый гигант. Но на моем пути это последняя аварийная остановка, потому что, миновав этот поворот, троллейбус выйдет на прямую

дорогу, и до самой конечной остановки никаких поворотов и аварийных остановок не будет. А я сойду через остановку, не доезжая до конечной, возле старого баиловского базара.

Старый баиловский базар – в поселке Баилове был такой базар. Потом как-то неожиданно его закрыли и ликвидировали. А люди не забывали его, даже спустя много лет часто говорили: «Возле старого базара», «Недалеко от старого базара» и т. п. Вспоминали его, потому что это был хороший базар: уютный, удобный, и, самое главное, там было изобилие. Базар ликвидировали, а на его месте установили памятник какому-то якобы известному человеку, который до установки памятника никому не был известен. Как ни странно, этот гранитный бюст тоже не помог ему стать известным хотя бы у населения одного поселка, даже на уровне какого-то колхозного базара. Оказывается, у известности тоже иногда бывают свои капризы: когда она упирается и упорно сопротивляется, памятники, награды, титулы, даже правительственные награды никакой роли не играют.

Вот наконец-то доехали. Это была остановка старого базара. Я сошел с троллейбуса. Эта была и моя остановка, потому что я жил в этом районе. Моя квартира, вернее, квартира, которую я снимал, находилась наверху: выражаясь жаргоном местного населения, я жил на горе. Самую дешевую квартиру во всем городе можно было найти только здесь. Даже язык не поворачивается называть их квартирами. Моя квартира, например, с трех сторон – восток, запад и север – не имела не только окон, но даже форточки для проветривания. Не вдаваясь в подробности, скажу честно: это был не дом, а антидом. Я точно не могу сказать и не додумался спросить у хозяина, раньше, то есть лет двадцать-тридцать назад, в этой хижине

жили люди или же там держали скот? Как-то даже очень странно, у этого человека во дворе было несколько таких хижин, и он их сдавал таким, как я, остро нуждающимся в дешевой квартире.

Там, на горе, магазинов не было, и мы туда поднимались по лестнице. А вокруг остановки старого базара магазинов было полно – это был как бы торговый центр. Почти все необходимые вещи я покупал в этом «торговом центре» – возле старого базара. То же самое надо было делать сейчас, а потом подняться наверх. Там, наверху, в моей бедной студенческой хижине, запасов необходимых продуктов, даже сухого чая и сахара, не было. А у меня в кармане был всего один рубль и какие-то копейки. Если бы были деньги, надо было тратить минимум три рубля, чтобы можно было сегодня по-студенчески бедно, но все равно хотя бы пообедать, – был уже полдень, а я не только не пообедал, даже был без завтрака, – чай пить, а вечером поужинать. На мой единственный и последний рубчик же можно было купить один серый хлеб и сто пятьдесят грамм дешевой колбасы – так называемой колбасы «Отдельная», килограмм которой стоил два рубля двадцать копеек, хотя иногда в продаже была колбаса подешевле, например «Чайная», килограмм которой стоил один рубль семьдесят копеек. А на оставшиеся копейки завтра можно будет купить хлеб, сто грамм сыра – и все...

Недалеко от остановки продавали арбузы и помидоры. Я был удивлен: оказывается, во время сборов я был изолирован от внешнего мира, даже не знал, что уже арбузы появились и цены на них упали до десяти копеек за килограмм. Узнав это, я сразу же изменил свой план относительно покупок. Лучше я возьму буханку серого хлеба, небольшой арбуз и двести грамм сыра – обожаю есть арбуз с сыром и хлебом. От рубля у меня останется двадцать

копеек, а на них завтра куплю хлеб – и все... Но прежде чем что-либо купить, я должен был зайти в банк, который находился через дорогу, рядом с баиловской поликлиникой, где бесплатно обслуживали не только местное население, но и квартирантов, в том числе и меня.

В банке у меня счетов и вкладов не было. А туда надо было зайти, чтобы проверить две лотереи, которые были у меня в кармане, – все лето я их таскал с собой. Их тиражи состоялись месяц назад. В то время я был на сборах, а выход из военного городка, где мы жили, запрещался, поэтому не было возможности своевременно их проверить. Такая возможность только что появилась, а я уже собирался переходить дорогу и зайти в банк. В тот критический момент у меня была и какая-то иллюзорная надежда: может быть, эти лотереи что-нибудь выиграли... На лотереях что-нибудь выигрывать... Скажу прямо, практически это невозможно было. Я в этом убедился на своем личном опыте.

Каждая союзная республика выпускала свою лотерею. В Азербайджане же была своя лотерея; тиражи проходили каждый месяц, одна лотерея стоила тридцать копеек. Каждый месяц я покупал по три лотереи – хотел выиграть машину, и обязательно «Волгу», которая стоила сорок одну тысячу рублей. Выиграв машину, я хотел изменить свой статус и стать обеспеченным студентом. А как правило, ничего не выигрывал. Ну что за безобразие, когда же наконец выиграю я свою машину? Недолго думая я нашел выход: если возьму больше лотерей, тогда непременно выиграю. В следующий раз, потратив половину своей стипендии, я купил шестьдесят билетов и стал с нетерпением ждать день розыгрыша. Наконец-то, вот и розыгрыш. Но вот беда: за исключением двух лотерей, которые выиграли по рублю каждая, остальные ничего не выиграли.

После этого краха я убедился в том, что с помощью лотереи богатым не станешь, даже нельзя стать обеспеченным студентом. Я уже перестал покупать лотерейные билеты, а спустя некоторое время увидел, что в газетных киосках и на многолюдных остановках автобусов наряду с местными лотереями продают какие-то другие лотереи: это были лотереи ДОСААФ, их выпускала Москва, и каждый билет стоил пятьдесят копеек. Их тиражи проходили не каждый месяц, а примерно ежеквартально; там машин не было, но разыгрывалась дорогая мебель, ковры, картины, телевизоры... Я решил, что надо попробовать; ведь выиграв какую-то дорогую вещь, я смог бы значительно улучшить свое материальное положение. Поэтому, заплатив один рубль, я купил два билета. Правда, при первой попытке ничего не выиграл, но один из билетов принес один рубль, полностью покрыв все мои расходы, а это в какой-то степени меня даже обнадежило. При первой же возможности я их покупал, но не более двух, и все. А в последний раз – это было в середине июня – опять купил два билета. Их тиражи состоялись месяц назад. Но я был на сборах, и не было возможности вовремя проверить лотереи. Целый месяц я находился в состоянии неопределенности и точно не знал, выиграл или нет. Именно это и дало пищу моей и так живой фантазии, а там нужда уже подготовила хорошую почву. В течение месяца в моей голове вертелся вопрос: может быть, моя лотерея что-нибудь выиграла... Сперва это была слабая надежда. Но, как ни странно, с каждым днем она укреплялась, приобретала черты реальности и становилась все сильнее, со временем изменилась и ее формулировка: шаткое «может быть» отпало, на его месте появилось самоуверенное «наверное»: наверное, моя лотерея что-нибудь выиграла...

Наблюдая свое психологическое состояние, я пришел к выводу, что в условиях полной безнадежности я занимаюсь самообманом.

«Это, конечно, плохо, – подумал я. – Плохо и то, что я начал поддаваться самообману, практически уже в него верю. Человек сознательно обманывает себя, – думал я, – и сам начинает верить в свой же обман, чтобы у него была – пусть и нереальная, даже иллюзорная – какая-то маленькая надежда. Абсолютная безнадежность губительна, она разрушает человека преждевременно. Инстинкт самосохранения же борется с этим и, поступая по-своему, начинает действовать на сознание, заставляет человека заблуждаться, верить в какие-то нереальные, с научной точки зрения совершенно необоснованные идеи, чтобы как-то оберегать его».

Примерно так оценив ситуацию, я постарался избавиться от иллюзорной и вместе с тем навязчивой идеи. Надо было освободиться от самообмана и на все смотреть трезво.

«Лотерея – всего лишь игра, – подумал я. – Безусловно, там есть и доля вероятности выигрыша; это и есть показатель добросовестности организаторов. Если организаторы совсем бессовестны, тогда доля вероятности выигрыша равняется нулю. А я считал, что обязательно выиграю».

Это испугало меня. Я решил, что это результат психологического напряжения; безнадежность и беспомощность сломали меня, я стал мыслить не как образованный человек – все же я уже был студентом пятого курса университета, – то есть научно обоснованно и трезво. Если манипулировать терминологией диалектического материализма, который мы, студенты всех вузов социалистической державы, хорошо изучали, – а я каким-то непонятным образом проявил даже особое пристрастие и эту науку освоил

лучше всех своих сокурсников, и в обоих семестрах по диалектическому, даже по историческому материализму экзамены сдавал на отлично, – я стал мыслить как идеалист, по-моему, даже хуже: я стал мыслить как отсталый, безграмотный и суеверный человек. Этот вывод испугал меня. Я считал, что в моем сознании идет процесс деградации.

За время учебы минимум два-три раза в году у меня были серьезные трудности, связанные с деньгами. При этом я старался ни у кого деньги не занимать, а проблему решать, как говорится, за счет своих внутренних ресурсов. В запасе у меня были мои ценные книги. Фундамент моей личной библиотеки, в которой теперь сотни очень хороших книг, заложен давно – в годы студенчества. Произведения классиков мировой литературы, книги разных серий – «Классики и современники», «Мастера современной прозы» и т. п. – я начал собирать тогда, когда еще был студентом. При переходе с одной квартиры в другую моим основным грузом были книги в картонных ящиках. А когда было очень трудно с деньгами, я с горьким сожалением бывал вынужден взять несколько хороших книг и пойти в книжный магазин «Букинист», который находился возле кинотеатра «Низами». Там же, говоря: «У нас такие книги есть», часть книг не принимали. А другую часть принимали с большим одолжением и по очень низкой цене, в лучшем случае за полцены. Приходилось соглашаться и на это, чтобы выручить хотя бы три рубля и не умереть с голода. Но на этот раз три рубля, вырученные в «Букинисте», ничего не значили. Мне нужно было минимум пятнадцать рублей, и то если стипендию дадут десятого сентября. Можно было надеяться и на хозяина квартиры, который мог бы одолжить мне эти деньги. Еще какая-то иллюзорная надежда была и на потерю – не знаю почему, но это предположение выглядело

более реально. В моей голове засела идея: наверное, моя лотерея что-нибудь выиграла...

Никогда в жизни я не был так одинок и беспомощен, и никогда в жизни я так не верил в какую-то призрачную идею. После страшного кораблекрушения Робинзон Крузо попал на необитаемый остров. А как только пришел в себя, он понял, что на этом острове, кроме него, никого нет, не на что надеяться и нечего ждать какую-то помощь, – это было ужасно: ужас одиночества и беспомощности. Я тоже испытывал ужасы одиночества. Но в отличие от Робинзона Крузо я попал не на остров, а на полуостров, и вокруг меня было очень много людей. А вот надеяться на них или ждать какую-то помощь было бессмысленно. Это тоже ужасно. Вот в такой ситуации каким-то непонятным образом я надеялся, что моя лотерея что-нибудь выиграет.

С этой надеждой в душе я перешел дорогу и зашел в банк. А там за окошечком сидел молодой парень примерно моего возраста, но, в отличие от меня, человек очень спокойный и уверенный в себе. Видимо, его жизнь тоже протекала в очень спокойной и безмятежной обстановке. Я поздоровался с ним и спросил, есть ли у него номер газеты «Труд», где опубликовались результаты последних тиражей лотереи ДОСААФ.

– Да, есть, – ответил молодой человек.

– У меня две лотереи, – сказал я. Сразу же вытащил из кармана билеты и через окошечко передал сотруднику банка. – Проверьте, пожалуйста.

Через окошечко я стал наблюдать, как проверяют мои билеты. Это очень ответственный момент, и надо быть внимательным: могут обмануть, поменяв лотерею, подсунуть другую лотерею... Да, мир полон подлости, и потом трудно будет доказать свою правоту. Не прошло даже одной минуты, как молодой человек сказал:

– Одна лотерея выиграла.

Он сказал это очень спокойно и совершенно без каких-либо эмоций, как будто хотел сказать, что троллейбус только что проехал, а следующий за ним появится через пять минут. Он даже не мог себе представить, какой взрыв эмоций спровоцировал во мне.

«Выиграл! Да, наконец-то я выиграл! – подумал я. – Как я надеялся и ждал! И вот наконец-то свершилось! Оказывается, месяц тому назад вопрос уже был решен и я выиграл. Вот почему я так сильно надеялся. Интересно, а что же я выиграл: мебель, ковер, телевизор?..»

Я не успел задать этот вопрос сотруднику банка, а он поднял голову и в свойственной ему манере совершенно спокойно сказал:

– Один из ваших билетов выиграл радиоприемник. Он стоит недорого, всего пятнадцать рублей. Хотите сразу деньги получить или же сейчас я оформлю, а вы через магазин получите свое радио?

«Ай да! Не больше и не меньше – именно пятнадцать рублей... А почему так мало? Пусть не мебель, не ковер, а радиоприемник. Но там же есть радиоприемники подороже; только рижский ВЭФ стоит сто два рубля...» – с горьким сожалением подумал я. А вслух сказал:

– Мне радиоприемник не нужен. Я хочу получить деньги.

– Хорошо, сейчас я дам вам деньги.

– А вторая лотерея как, она ничего не выиграла? – спросил я.

– Нет, из двух билетов только один выиграл. Можете и сами проверить, – так сказав, сотрудник банка через окошечко передал мне газету и оба билета.

А что было бы, если бы не пятнадцать рублей, а больше, например, тридцать, сорок, пятьдесят рублей? Тогда я купил бы полкило говядины, картошку, лук, зелень и бутылку

вина. Наверху, в своей бедной квартире, сварил бы бозбаш, хорошенько пообедав, – был уже полдень, а я был не только без обеда, но даже без завтрака, – выпил бы за то, что успешно решил еще один практический вопрос и перешел на пятый курс, я уже студент пятого курса. Это же замечательно, и такие события надо отмечать. Основные трудности учебы остались уже позади. На пятом курсе надо сдавать экзамен по специальности, госэкзамен по философии и написать дипломную работу. Все сделаем – будем решать еще один практический вопрос. А сегодня день особый: я успешно сдал экзамен по военному делу и получил звание офицера – вот это надо отмечать. Но у меня очень мало денег: в кармане всего шестнадцать рублей. Я не имею права эти деньги бросать на ветер. Поэтому отмечать будем тогда, когда получим стипендию. А вот эта дрянь – вторая лотерея, – какая она бестолковая, ничего не выиграла. Если бы она выиграла хотя бы один рубль, тогда на это можно было бы купить бутылку вина. Только одна лотерея выиграла, и ровно столько, сколько мне очень и очень нужно было, – всего пятнадцать рублей и больше ничего. Неужели там – говоря «там», я даже не знал, что имел в виду и где это так называемое «там» находится, – учет денег ведется так строго и точно? Интересно... Оказывается, там деньги дают только на самые необходимые нужды, и это тоже не всегда – только в исключительных случаях. На отдых, на развлечения даже копейки не дают. Да, все правильно. А что было бы, если бы моя лотерея ничего не выиграла? Это была бы катастрофа. Тогда из этого банка я вышел бы как дохлая курица. А потом пришлось бы просить деньги в долг у этого старика. Казалось бы, все очень просто: просить деньги в долг у человека, который тебя хорошо знает и у которого деньги есть. Но это так сложно и так унижительно! Вот представьте.

– Знаете, я уже сдал все экзамены и перешел на пятый курс, – так надо было начинать свое выступление, и это всего лишь начало, только первый шаг. Но как противно это и как бессмысленно! Спрашивается: какого черта я должен отчитываться перед ним? Ему самому нужно ли это? Это мое личное дело, и нельзя рассказывать об этом каждому проходимцу. Но все равно, раз начали, надо доводить до конца. – Как вы уже знаете, в течение двух месяцев я был на сборах в Нахичевани. За это время нам стипендию не давали, невозможно было и зарабатывать какие-то деньги, сезонно работая. Я только что, буквально час тому назад, сошел с поезда Нахичевань – Баку и прямо с вокзала приехал сюда. Все хорошо, я жив и здоров. Только есть одна небольшая проблема: у меня денег нет.

Да ты подожди! Ты уже все сказал. А теперь посмотри, как нахмурился старик. Он уже знает, что у тебя денег нет, для него это главное. Представь себе: какой-то студент у него живет квартирантом и говорит, что у него денег нет. Старик знает, на что ты намекаешь: квартплата будет нескоро. Если бы была возможность, ты знаешь, что он сказал бы тебе:

– Если у тебя денег нет, на какой черт ты занимаешь мою квартиру? Ты студент, ученый, солдат или генерал, ты стипендию получаешь или зарплату – меня это не волнует, дай мои деньги. Все!

– Сейчас я не могу платить квартплату за август месяц...

– Как это ты не будешь платить за август месяц? Ты же сам сказал, что как только приедешь в Баку, сразу будешь платить. А теперь не хочешь платить? – сказал бы старик.

– «Не будешь платить» или «не хочешь платить» – не те слова. Я так не сказал и никогда не скажу. Вот уже два года я живу у вас квартирантом. Слава богу, за это время мы успели как следует узнать друг друга. А тем более

вы – выдавший виды, опытный и мудрый человек – в таких вопросах очень хорошо разбираетесь, и уверен, что меня тоже достаточно хорошо знаете. Скажите честно, был ли случай, когда за квартиру я не платил или же не хотел платить?

– Нет, не было.

– Правильно, не было. В конце каждого месяца я аккуратно плачу за квартиру, и никогда задержки не было. Сейчас я должен платить за август месяц. Это мой долг, и даже в июне я вам сказал, что как только приеду в Баку, сразу буду платить...

– Я тоже знаю, что ты должен платить за август месяц. Но вместо того чтобы взять и заплатить, ты мне рассказываешь о Нахичевани, о поезде и экзаменах... Об этом расскажешь потом. А сперва будь добр заплатить за квартиру.

– Я не забыл свое обещание и знаю, что должен платить...

– Да ради бога, давай плати. Кто тебе мешает?

– Не волнуйтесь, буду платить. Пожар, что ли? Конечно, буду платить. Дело не в этом.

– Как это «дело не в этом»? Интересно! А в чем же тогда дело? Весь вопрос как раз в этом. А ты говоришь, дело не в этом. Потому что, оказывается, у тебя денег нет.

– Да, правильно, сейчас у меня денег нет. Но скоро будут.

– Да, будут. То же самое говорится и в поговорке: «Не умирай ты, мой хороший ослик, скоро будет весна, а кругом будет зелень».

– Какая там зелень и какой ослик? Нет, я так не сказал и никогда не скажу. Вы за кого принимаете меня? Я просто хочу сказать, что на сборах нам сказали, что студентам пятого курса, в том числе и мне, стипендию дадут раньше, точнее, десятого сентября. Так что не волнуйтесь, через десять дней я получу стипендию за три месяца и сразу же из этих ста пяти рублей дам вам сорок пять рублей.

– Сорок пять рублей? А это зачем?

– Как это зачем? Я буду платить за август, сентябрь...

– Тогда надо платить не сорок пять, а тридцать. А-а, может быть, ты хочешь платить и за октябрь тоже?

– Нет, за октябрь пока не буду. Я буду платить только за август и сентябрь месяцы. А сорок пять рублей вам дам, потому что сейчас же я хочу взять у вас еще пятнадцать рублей в долг. А через десять дней верну вместе с двухмесячной квартплатой.

– Я не понял. Ты сейчас должен платить пятнадцать рублей за август месяц, но не хочешь платить. Этого мало, ты еще хочешь пятнадцать рублей в долг взять?

– ...

В такой обстановке как можно было просить у старика деньги в долг? Нет, этого нельзя было делать...

Продолжая так думать, я уже перешел дорогу и направился к продовольственному магазину, чтобы купить продукты питания. Но ситуация резко изменилась, я уже, как говорится, человек с деньгами. Поэтому вопрос «что купить?» надо было пересмотреть. Надо было быть еще бережливым и без особой нужды не тратить даже одной копейки, потому что чудом доставшиеся мне эти пятнадцать рублей спасли меня. Он – хозяин квартиры – все равно не дал бы денег. А я в сильном разочаровании, на зло всем больше ни у кого не попросив денег, уморил бы себя голодом.

Годы учебы значительно ослабили мое здоровье, потому что спортом мало занимался, стал даже пить и курить. На мое здоровье повлиял и климат Апшеронского полуострова. Я никак не мог как следует приспособиться к сырой бакинской погоде с ее частыми и порывистыми ветрами. Начиная с октября я часто простужался, не успев до конца вылечиться, еще раз простужался... И это продол-

жалось до середины мая. Поэтому с каждым годом мое здоровье ухудшалось. На пороге осени голодание более десяти дней если не окончательно, то хотя бы серьезно подорвало бы мое и так ослабевшее здоровье. Но, слава богу, я просто чудом спасся: не унижаясь ни перед кем, получил эти спасительные деньги. Да, я их получил, они у меня в кармане – не больше и не меньше, ровно пятнадцать рублей. Очень даже интересно! А что это, случайность? Может быть, стечение обстоятельств? А может быть, просто какое-то совпадение? Нет, не это, не то и не другое. Не надо затруднять себя: человеческое сознание не в состоянии объяснить это, дать научное толкование хотя бы уже свершившемуся факту. Это чудо, проявление Божественной воли.

За последние три дня произошли значительные события: я сдал последний экзамен четвертого курса и перешел на пятый курс. Вдобавок к этому я еще получил звание офицера. И наконец, сбылась моя давняя мечта: моя лотерея выиграла конкретную вещь – ручной радиоприемник. Он стоит недорого – всего пятнадцать рублей. Когда-то я мечтал выиграть машину и улучшить свое материальное положение. Но выиграл всего лишь радиоприемник. Это произошло в тот момент, когда моя жизнь висела на волоске. Радиоприемник спас меня. Машина должна была улучшить мое материальное положение: после этого выигрыша я не снимал бы самую дешевую квартиру в городе Баку, на окраине поселка Баилово, на горе, а снимал бы приличную квартиру в центре города; обедал бы не дома или же в студенческой и рабочей столовых, а в приличных столовых, иногда даже в кафе и ресторане; купил бы себе приличные летние и зимние костюмы, даже хорошие импортные пальто и плащ. Ну и что из этого?

А получилось так, что в самый трудный момент своей жизни я выиграл радиоприемник, который спас меня

от физического уничтожения и морального унижения. Поэтому этот радиоприемник ценнее машины и даже квартиры. Все это необыкновенно и непостижимо. Я молод, моя жизнь впереди. А то, что очень необходимые деньги достались мне каким-то чудом, это уже говорит о том, что я вовсе не один – как многие считали и по сей день считают, а до этого дня мне самому тоже так казалось – и не совсем беспомощен. Сегодня будем отмечать эти замечательные события. Отмечать? Это будет расточительство. Да, в принципе, так получается. Но я не намерен идти в кафе или же ресторан. Отмечать будем там, наверху, как здесь говорят, на горе – в моей бедной квартире. Но сперва давайте посмотрим, что можно купить на наши деньги. Сейчас у меня в кармане шестнадцать рублей и какие-то копейки. Возьмем полкило сахара и пачку чая – в утренние часы без чая не могу: голова болит, часто зеваю. Расходы на чай составят девяносто копеек. Я куплю еще небольшой арбуз – не более трех килограмм, двести грамм сыра за тридцать копеек, серый хлеб за двадцать копеек и на все эти продукты потрачу восемьдесят копеек. Но мы должны отмечать великие события. А для этого надо купить водку или вино. Водка стоит дорого, возьмем за девяносто копеек бутылку белого сухого вина «Садыллы». Поскольку я буду пить спиртное, надо будет купить еще и сто пятьдесят грамм колбасы «Отдельная». А в итоге получается, что на все эти продукты я потрачу три рубля. Здесь только вино лишнее, а все остальное очень даже необходимое. Потраченные на вино девяносто копеек – это перерасход. Да, согласен, но это я возмещу за счет строгой экономии в последующие дни: например, газет не буду покупать, на транспорт не сяду... Если надо будет ехать даже в центр города – пойду пешком. Нам и так неделю дали на отдых, за это время никуда не поеду. Мои занятия начнутся после

седьмого числа, а в университет я пойду пешком. И это не новость, иногда я это практикую: мимо зоопарка через Нагорный парк выхожу на большой проспект и за полчаса добираюсь до университета – будем строго экономить, чтобы ни перед кем не унижаться.

А сегодня будет пир. В своей бедной квартире я накрою стол. На столе будет хлеб, сыр, колбаса, арбуз и вино – это же великолепно! Для бедного студента даже роскошно. Буду отмечать очень значительные события в моей жизни, самое главное же – свое спасение. В очень сложной ситуации я, как говорится, сухим вышел из воды – чудом спасся. Все покинули меня, бросили на произвол судьбы, думая: пусть пропадет. События тоже как будто так и развивались, даже мне самому казалось, что я уже пропал. Но... я чудом спасся.